

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 22 (4147)

Суббота, 20 февраля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

«ПАРТИЙНОСТЬ ЕСТЬ ИДЕЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ»

МИНУВШИЙ год принес новые успехи советской литературе, советскому искусству. Обширный список произведений, выдвинутых общественностью на соискание Ленинских премий, показывает, насколько многообразна наша литература, какие творческие богатства заключены в ней. «Поднятая целина» Шолохова и «Медовая книга» Смула, «Преображение России» Сергеева-Ценского и «Сильнее бури» Рашидова, «Глубокий тыл» Полевого и «Деревенский дневник» Дороша, проза Коласа, Паустовского, Бондарева, Рекевича, Бакланова, стихи Рыльского, Смыкина, Светлова, Турсун-заде, многие другие произведения — какое разнообразие творческих индивидуальностей, какое обилие талантов! Список этот далеко не охватывает всех удачных произведений последнего времени.

В частности тех, которые опубликованы в конце минувшего года, таких, как «Живые и мертвые» Симонова, «Орляная степь» Бубеннова и другие.

При всем многообразии талантов есть нечто общее, что роднит эти произведения: авторы их стремятся своим творчеством служить народу. Родине, строящей коммунизм. Принцип партийности, воплощающий коммунистическую идеологию, пронизывает творчество их. Ленинский принцип партийности вошел в плоть и кровь советской литературы, именно он помогает писателям создавать правдивые произведения, раскрывающие величие борьбы советского народа за коммунизм.

«Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая», — говорил Ленин. Личностью свободной, а на деле связанной с буржуазией литературе Ленин противопоставил литературу действительно свободную, служащую великим идеалам счастья народов, открыто связанную с пролетариатом и его освободительной борьбой.

Советский художник избирает путь служения народу свободно, по собственному убеждению и призванию, по велению души и сердца. Стремление служить народу ни в какой степени не ограничивает свободы творчества художника, ибо, говоря когда-то Великий, «для того не нужно принуждать себя... наслаждаться фантазией; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи...»

Партийность литературы и искусства — это внутреннее стремление писателя взглянуть на переднем крае борьбы за счастье людей, быть борцом за превращение в жизнь политики Коммунистической партии, решать в своем творчестве в первую очередь те задачи, которые решает народ. Партийность литературы и искусства сегодня в том, чтобы поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунистического общества, помогать партии и народу в коммунистическом воспитании масс.

Партийность литературы сегодня и в том, чтобы проводить в массы коммунистическую идеологию — самую прогрессивную и подлинно научную идеологию современности. Постановление Центрального Комитета КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» с новой силой подчеркивает, что мирное сосуществование, сотрудничество не ослабляет идеологическую борьбу. Постановление обращает самое серьезное внимание на важность идеологической работы, тесно связанной с творчеством народа, его жизнью, с его борьбой за коммунизм. Чистота и ясность идейно-эстетических позиций, глубокое понимание политики Коммунистической партии, неразрывная связь с жизнью и последовательная борьба за те великие идеи строительства коммунистического общества, которые осуществляют наш народ, — таковы необходимые условия успешного развития советской литературы. Против отклонений от главной линии развития литературы, от ленинской идеи партийности и великой борьбы партии и литературная общественность в недавнем прошлом. Это не была борьба литературных группировок, это была принципиальная идейная борьба с проявлением ошибочных и вредных взглядов, ревизионистских настроений, с либерально-оппортунистским отношением к идейным баталиям в литературной среде.

Воспитательная работа партии, великие свершения, смелые преобразования, осуществленные партией и народом за последние годы, показали тем немногим деятелям литературы и искусства, что переболели в свое время болезнью очернительства, какую ложную позицию занимали они. Призыв партии к консолидации всех писательских сил на принципиальной, партийной основе не остался без ответа. Замечательное отличие литературной жизни сегодняшнего дня от недалекого прошлого состоит в том, что вместо острой борьбы с ревизионистскими тенденциями отдельных представителей в своей среде, такую пришлось вести в 1956—1957 гг., советские литераторы в спорах, в товарищеском обмене мнениями ищут теперь ответ на кардинальный творческий вопрос: как лучше, полнее, глубже отразить советскую действительность, советских людей, подлинных героев нашего времени, строителей коммунизма?

В этих спорах отдельные литераторы выдают иногда в крайности, допускают односторонние утверждения, полемические преувеличения. Их необходимо направлять, разъяснять ошибочность неверных положений. Отрадно, однако, что споры и дискуссии, самые жаркие литературные бои, — а без них немалым настоящим творческий процесс, — проходят как правило, в доброжелательной товарищеской обстановке, без проявления каких бы то ни было элементов групповщины, способствующих прояснению идейно-теоретических позиций спорящих сторон.

Но доброжелательность и объективность вовсе не означают либерально-примиренческого отношения к идейным промахам и ошибкам. «Вы скажете, а где гарантия от ошибок? — задавал вопрос на III съезде писателей Н. С. Хрущев. — Да, гарантия давать трудно, потому что писатель, если он подлинно советский писатель, допускает ошибки не сознательно, не преднамеренно, а в силу целого ряда причин — недостаточного знания жизни, неверно взятых исходных позиций и т. д. Чтобы не допускать этого, надо помнить, что писатели живут в обществе, отображают жизнь общества, их творчество должно направлять общественная критика, они должны предостерегать в ней, считаться с ней, устраивать товарищеские дискуссии и обсуждения, выносить на суд общественности свои произведения».

Нужными, полезными для литературы были, к примеру, выступления коммунистов на проходившей недавно Ленинградской городской партийной конференции, подвергнувшие критике идейно незрелый рассказ С. Воронина «В родных местах» («Нева», № 9, 1959) и апологетический очерк Н. Михайловского «Здравствуй, Суоми!» («Нева», № 8, 1959), а также беспомощную, путаную статью В. Назаренко о русском стиле, опубликованную в журнале «Звезда» (№ 8—9, 1959). Эти выступления и есть пример той общественной критики, помогающей писателям обрести необходимую отчетливость идейно-теоретических позиций, о которой говорил Н. С. Хрущев.

О том факте, что такая критика необходима, так как отдельным литераторам все еще недостает идейной зрелости и подлинно партийного отношения к жизни, свидетельствует также и поэма Е. Евтушенко в последнем номере «Юности», о которой уже говорилось на страницах «Литературной газеты». Общественная критика должна помочь молодому поэту найти верные и плодотворные идейно-эстетические позиции в творчестве.

Всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

всегда своевременной и необходимой

была статья Н. Шамоты «О националистическом специесе искусства и чувстве современности» в декабрьском номере журнала «Коммунист Украины», критикующая абстрактный «национальный гуманизм», выступающая против каких бы то ни было националистических рецидивов в литературе.

Справедливы выступления нашей литературы общественной по поводу ноток тоски, неустроенности в жизни, мотивов жертвенности, обреченности, которые по необъяснимым причинам звучали вдруг в некоторых кинофильмах и спектаклях, таких, как «Первый день мира», «Солнце светит всем», «Аннушка», «Волонтеры тишины». Появились сердцеприятельные мелодрамы на потребу обывателя вроде фильма «Нино», где пропагандируются меншицкие идеалы легкой жизни без труда. Налет мелодраматичности лежит на таком талантливо снятом фильме, как «Чужие дети», герои которого — полностью во власти неотвратимых, роковых страстей.

А ведь в основу подобных фильмов и спектаклей положен литературный сценарий или пьеса, значит и слово упрека здесь следует в первую очередь адресовать писателям.

В основе консолидации всех творческих сил лежит ленинский принцип партийности литературы и искусства, высокая требовательность к идейным и художественным качествам произведений, забота о ясности и четкости идейно-эстетических позиций, о мастерстве.

Эти заметки не претендуют на большее, чем они есть. Вопросы, затронутые в них, слишком широки, сложны, я бы сказал, даже запутаны, чтоб в них можно было разобраться в одной статье одному человеку, к тому же давно уже не занимающемуся архитектурой как профессией. Скорее всего это просто мысли человека, которому хочется разгораться в чем-то не совсем еще разобранном.

Если заметки эти послужат началом какого-то разговора, спора, пусть даже ожесточенного, — цель их будет достигнута.

«Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспорядочно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливаются изумленный взглядом величественно или своеобразно возвышающимся сооружением, или даже роскошью и слепящей простотой украшений. Невольно впадают мысли: неужели прошел не возвратимо век архитектуры? неужели величие и гениальность больше не посетят нас? Или они — принадлежат народам юных, полных одного энтузиазма и энергии и чуждых успешности, бесстрастной образованности?»

Так размышлял Гоголь «об архитектуре нынешнего времени» в своих «Арабесках».

Не испытываем ли и мы иногда нечто подобное, глядя на города и архитектуру нынешнего, середины XX века, времени? Смотрим на Кремль, на Василия Блаженного, на мечети Бухары и Самарканды (а те из нас, кому повезло, еще и на афинский Акрополь, собор св. Петра в Риме, на Нотр-Дам) — и смотрим и говорим: прекрасно, совершенно! И смотрим на какой-нибудь вылезавший из лесов дом, строящийся по соседству с нами, и только плечами пожимая — ну, что ж, будут так новые кварталы...

Короче говоря, мы склонны еще иногда в каких-то вопросах идеализировать далекое прошлое. Что же, действительно, Венера Милосская до сих пор осталась непревзойденным образцом красоты. Были эпохи, когда даже меч, писал или пушка были произведениями искусства. Сейчас этого нет.

Но ведь в этом-то, в смене одного другим, и заключается закономерность всякого развития.

Сейчас XX век. Он не может быть XV, ни XIX. И так ли уж безразлично все созданное искусством этого беспокойного века?

Стиль и эпоха неразделимы. Египет фараонов рождает пирамиды, Греция — Акрополь, Рим — Пантеон и Форум, готика — соборы. В чем же сила воздействия на нас архитектуры этих столь несхожих между собой эпох? Точнее, какую мысль, идею вкладывали строители тех веков в созданные ими шедевры? Возвеличение божества, возвеличение правителя. Противопоставление им — великим, всемогущим — маленького, ничтожного человека. Храмы и дворцы (за исключением разве что греческих) подавали торжественность, величие, размеры.

Виктор НЕКРАСОВ

О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И ЧУТЬ-ЧУТЬ О БУДУЩЕМ

Эти заметки не претендуют на большее, чем они есть. Вопросы, затронутые в них, слишком широки, сложны, я бы сказал, даже запутаны, чтоб в них можно было разобраться в одной статье одному человеку, к тому же давно уже не занимающемуся архитектурой как профессией. Скорее всего это просто мысли человека, которому хочется разгораться в чем-то не совсем еще разобранном.

«Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспорядочно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливаются изумленный взглядом величественно или своеобразно возвышающимся сооружением, или даже роскошью и слепящей простотой украшений. Невольно впадают мысли: неужели прошел не возвратимо век архитектуры? неужели величие и гениальность больше не посетят нас? Или они — принадлежат народам юных, полных одного энтузиазма и энергии и чуждых успешности, бесстрастной образованности?»

Так размышлял Гоголь «об архитектуре нынешнего времени» в своих «Арабесках».

Не испытываем ли и мы иногда нечто подобное, глядя на города и архитектуру нынешнего, середины XX века, времени? Смотрим на Кремль, на Василия Блаженного, на мечети Бухары и Самарканды (а те из нас, кому повезло, еще и на афинский Акрополь, собор св. Петра в Риме, на Нотр-Дам) — и смотрим и говорим: прекрасно, совершенно! И смотрим на какой-нибудь вылезавший из лесов дом, строящийся по соседству с нами, и только плечами пожимая — ну, что ж, будут так новые кварталы...

Короче говоря, мы склонны еще иногда в каких-то вопросах идеализировать далекое прошлое. Что же, действительно, Венера Милосская до сих пор осталась непревзойденным образцом красоты. Были эпохи, когда даже меч, писал или пушка были произведениями искусства. Сейчас этого нет.

Но ведь в этом-то, в смене одного другим, и заключается закономерность всякого развития.

Сейчас XX век. Он не может быть XV, ни XIX. И так ли уж безразлично все созданное искусством этого беспокойного века?

Стиль и эпоха неразделимы. Египет фараонов рождает пирамиды, Греция — Акрополь, Рим — Пантеон и Форум, готика — соборы. В чем же сила воздействия на нас архитектуры этих столь несхожих между собой эпох? Точнее, какую мысль, идею вкладывали строители тех веков в созданные ими шедевры? Возвеличение божества, возвеличение правителя. Противопоставление им — великим, всемогущим — маленького, ничтожного человека. Храмы и дворцы (за исключением разве что греческих) подавали торжественность, величие, размеры.

Гоголь в той же статье «Об архитектуре нынешнего времени» писал: «Строение должно неизменно возвышаться почти над головою зрителя, чтобы он стал, пораженный внезапным удивлением, едва будучи в состоянии окинуть глазами его вершину... И потому строение всегда должно, если стоит на тесной площадке... Чтобы кареты грели и у самого его подножия? Чтобы люди лепились под ним и своею малостью увеличивали его величие!.. Ох, боюсь, Гоголю пора-

вилься бы наши высотные здания, а ведь они-то, эти высотные здания, как никакие другие, противоречат принципам архитектуры эпохи социализма.

Вот мы и подошли к самому главному, к архитектуре нашей, социалистической. Какими же ее принципы?

В ПЕРВЫЕ годы после Октябрьской революции строилось у нас мало, зато проектировалось много, а оставалось преимущественно на бумаге. А говорилось еще больше. Все старое отменялось как изжившее себя. Новый строй, новая эпоха — значит, и стиль новый! Но какой? Вспомните плакаты тех лет. Полуголый рабочий в фартуке с молотом в руке на фоне каменных стоек — краны, башни, леса... Вот такой-то и представлялась архитектура нового — не то фабрика, не то маховик, в общем это то индустриальное.

Потом, когда начали строить по настоящему, страсти несколько поулеглись. Все постепенно стало входить в определенные рамки. И вот тут-то появилась «новая» архитектура. Она не была единой, эта «новая» архитектура, она состояла из множества течений, струй, переплетающихся, сталкивающихся, спорящих между собой. И назывались они по-разному — рационализм, функционализм, формализм, конструктивизм, и вождь имели своих, и идеологов. С тех пор прошло более трех десятков лет. Попытаемся же взглянуть на суть этих явлений глазами сегодняшнего дня. Выберем из всех этих течений только конструктивизм как направление, наиболее логически обоснованное и охватившее, начиная с 20-х годов, все без исключения — это можно твердо сказать — страны мира и области искусства, включая музыку и литературу. В свое время течение это сыграло весьма заметную роль в истории развития советской архитектуры, потом было предано анафеме и забвению, а сейчас в каких-то своих элементах опять возродилось.

Вряд ли можно с точностью сказать, где и когда оно зародилось. Уже в постройках Огюста Перре еще в начале века наметились первые черты будущего стиля. Но это не так уж важно. Важно другое — то, что стиль этот настолько бурно стал распространяться, что даже такие крупные наши архитекторы, как Щуско, Щусев, Рерберг, Фомин, в творчестве своем ранее исходившие из совсем других принципов, невольно подпали под его влияние. В основном, правда, чисто внешне, но подпали.

В чем же была его сила? Если мы взглянем на наиболее известные образцы мировой архитектуры, — скажем, на Парфенон, Пантеон в Риме, Рейнский собор, — нам сразу же бросится в глаза нечто общее, что объединяет эти столь не похожие друг на друга памятники, олицетворяющие собой совершенно разные эпохи, разные общественные формации. И общее это — их ярко выраженная конструктивность, причем конструкция сама по себе, с точки зрения строительного искусства, наиболее передовая для своего времени. Она — средство для выражения определенной идеи, она же и стимул для рождения новой формы, а значит, и стиля.

Французский архитектор Ле Корбюзье как-то сказал: настоящая архитектура прекрасна и в развалинах. Как верно сказано! Ни войны, ни пожары не смогли уничтожить красоту Парфенона или Рейнского собора. Мысль, идея, принцип, так ярко выразившиеся в самой конструкции, остались — осталась и красота.

Вот это-то положение — конструкция как основа архитектурного сооружения — и стало, в своеобразном преломлении, отправной точкой архитектурной теории конструктивистов. Сейчас XX век, говорили они, все новых строительных материалов и принципов — отсюда и новые формы и принципы самой архитектуры. Это — первое.

Второе. Ничто не станет отрицать, что самолет, паровоз, пароход, автомобиль не только удобны для передвижения, но и красивы сами по себе. Почему? Да потому, что в них все целесообразно, в них нет ничего лишнего, в них только то, что нужно для их прямого назначения. — Это то и рождает красоту. А что такое дело? В сущности, та же машина, только машина для жилья, для работы, для собраний и т. д. Иными словами, красота его должна заключаться не в декоративных украшениях, а в самой функциональной сути его.

Отсюда и третье — чистота формы. Архитектура — искусство, оперирующее объемами. В основе ее куб, параллелепипед, конус, полусфера, пирамида. Логическое сочетание этих форм, сочетание граней и плоскостей само по себе создает законченную архитектурную композицию. Всякого же рода украшения только мешают восприятию основных форм. Они только уродуют их, это мусор, который надо выкинуть.

Вот три основные заповеди конструктивизма. Как же выглядят они на практике? Обратимся к Ле Корбюзье — крупнейшему идеологу и теоретику конструктивизма, большому, до сих пор активно работающему мастеру, недавно отпраздновавшему свое 70-летие. В последние годы взгляды его на архитектуру несколько изменились (судим по его проектам капеллы в Роншане во Франции и павильона фирмы «Филлипс» на Брюссельской выставке), но тогда, в 20—30-х годах, они сводились в основном к следующему.

1. Новый строительный материал, железобетон, дает возможность совершенно свободно решать план любого здания. В прошлом стена являлась элементом одновременно и несущим нагрузку, и изолирующим помещению друг от друга. Сейчас за ней может сохраниться только вторая функция, первую берет на себя железобетонный каркас, а легкие, ничего не несущие перегородки можно поставить в любом месте.

2. Железобетонная (или металлическая) конструкция (в принципе этажерка — столбы и перекрытия) дает возможность выжать из выделенного участка земли (на Западе это вопрос первостепенной важности) все, что только из него можно выжать. Дом начинается с своего раннее исхождение из совсем других принципов, невольно подпали под его влияние. В основном, правда, чисто внешне, но подпали.

3. Так как наружная стена не несет никакой нагрузки, она может быть прорезана в сплошное окно или, если угодно, в окно горизонтальное, удобное, кстати, тем, что больше соответствует окружающему пейзажу, не режет его на вертикальные отрезки.

4. Планировка самого здания подчиняется логике, удобству и экономичности расположения помещений. В зданиях общественных (театры, вокзалы, рынки, спортивные сооружения) принцип планировки диктуют еще и графические движения людей. По методу, выраженому Ле Корбюзье, должно быть в любом месте зрительного зала, должно само выкатиться на улицу.

Оночание на 2-й стр.

Улица в Джакarte. Рисунок В. Косорукова.

Вести из Франции

ОДИН парижский журналист, рассказывал, что за два дня до начала митinga он попал в Алжире в театр. Там давал инсценировку по роману Достоевского «Бесы», сделанную Альбертом Камю. Журналист буквально ошеломяно то, что публика встретила аплодисментами сцену, в которой излагается «система Шатгаева», то есть такое будущее, когда привилегированное меньшинство располагает всей политической властью над массами рабов. Публика демонстративно высказала одобрение подобному общественному устройству, хотя оно явно противоречило концепции Достоевского и, конечно, инсценировке. Видя это что-нибудь может полнее выразить фашистско-расистскую сущность алжирских «ультра», их ненависть к народу Алжира, удесятеренную страхом перед тем, что он обретет независимость. Этот эпизод подтверждает, какие последствия стали бы неизбежными в случае победы митяжников.

Роман выступил на страницах газеты «Орор» в защиту алжирских митяжников. Как известно, еще до войны Жюль Ромэн отличался фашистскими симпатиями, но на сей раз даже он высказался довольно осторожно. Говорит об арестах руководителей митяжников, но не преминул заявить о своей преданности де Голлю и выразил надежду, что тот проявит «августейшую милость». Послушать Ромэна, так выходит, что виновные, дескать, вправе рассчитывать «на доброту, на снисхождение, я сказал бы, почти на нежность, — на братское и вместе с тем отеческое понимание». Пойти дальше Жюль Ромэн не осмелился.

Даже те, кто стоит на правом крыле, не решаются очень рьяно защищать фашистов. Сашком единодушно все французы осуждают митяжников. Именно это настроение заставило де Голля подтвердить, что он признает право алжирского народа на самоопределение, заставило его осудить митяж-

Но вот мы снова сталкиваемся с неясной данностью. Речь идет о другом писателе, который по-особому выразил свое отношение к алжирским событиям. Франсуа Мориак выступил со статьей в газете «Экспресс». Он задает вопрос: каков же истинный аспект против угрозы подобной рока? Мориак считает, что перед лицом угрозы фашизма необходимо покончить с чрезвычайными мерами против коммунистов. Он утверждает, что еще в мае 1958 года все могло бы обернуться по-другому, если бы были призваны к действию все левые силы. Франсуа Мориак выражает мнение народа, когда пишет: «В 1958 году Пармилан уступил по тем же причинам, которые ставили Даладе капитулировать в 1934 году. Пусть это угодно — не важно что, — лишь бы не народный фронт, этот зачаток народной демократии. И если мы вспомним 1940 или даже 1871 год, то должны будем констатировать, что и тогда нашу судьбу решали все те же страхи».

Лучше не писал бы и коммунист. Далее Мориак говорит следующее в адрес французской буржуазии: «Нет такого митяжника генерала, которого она не предпочла бы тысячу раз не то что коммунисту, но даже просто прогрессисту». И он приходит к выводу: «Но это раз нахождение в власти де Голля даю французской буржуазии достаточную гарантию против народного фронта».

На этом четкая и ясная мысль Мориака останавливается. Он тут же забывает, что де Голль, удерживая в своих руках власть, представляет буржуазно, враждебную народу, и видит в нем только великого деятеля, возвышенного и чистого, человека, «ослабленного» и «слезливого» провидением. Не будь де Голля, пишет он, «к кому бы мы пошли?». Разве обязательно «идти к кому-то»? Разве личная власть гарантирует сохранения демократии?

За последние недели вскрылись реальные противоречия между интересами крупной буржуазии, представляемой де Голлем, и теми алжирскими ультраконсерваторами, которым ненавистно само слово «саморепрезентация». Эти противоречия объясняют известную твердость позиции де Голля по отношению к митяжникам и его обращение к народу за поддержкой. Но все это не может заставить нас забыть об ответственности власти за алжирские события.

Точно так же политический курс на самоопределение алжирцев и ряд других удачных актов де Голля, особенно приглашение Н. С. Хрущева посетить Францию, не снимают и не оправдывают всего остального: фактического продолжения войны в Алжире, отказа от переговоров с алжирскими патриотами, ухудшения условий существования трудящихся масс, непрерывных посягательств на то, что осталось от демократических свобод, союза с Аденауэром и столь же скандального, сколь и смехотворного взрыва атомной бомбы в Сахаре.

Вот почему требование правительства, и без того пользующегося более чем широкими prerogatives, о предоставлении ему новых «специальных полномочий» можно считать весьма странным способом защиты демократии.

Указывая на опасность фашизма, Франсуа Мориак призывает к еще большему усилению личной власти. Что же, его соблазняет именно такая постановка вопроса. Но никогда не стану рассуждать так рабочий класс и все, кто является жертвой этой политики. Перед лицом угрозы фашизма — по крайней мере — политический полномочием — наделена только одна сила — народ. «К кому бы мы пошли?». Несомненно, к нему, к народу, а не к «сильной личности»!

Можно поздравить французов с широким объединением, которое не было со времен Сопротивления. Честные деголисты и коммунисты совместно образовали великое множество антифашистских комитетов. Теперь важно, чтобы это единство не растворилось в иллюзиях, подобных тем, что питает Франсуа Мориак. Пусть оно растет и развивается в деле реставрации и обновления демократии.

ПАРИЖ, 19 февраля. (По телеграфу)

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ

- ★ Партийность — неотъемлемое качество советской литературы.
- ★ Что сейчас происходит во Франции.
- ★ Какой должна быть наша архитектура? Мнение Виктора Некрасова.
- ★ СЕМЬЯ И ЗАКОН.
- ★ НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ.
- ★ Иван Шамякин. «Люди НП-9».
- ★ О новой повести Г. Медынского.
- ★ ЛА-МАНШ — МЕЗЕНЬ — ОБЬ.

Это было позавчера в Сиво Вэлли — «Долгие индианцы». Вице-президент США Р. Никсон произнес приветственную речь, вручил олимпийскую медаль А. Мид-Лоуренсу спускался с вершины Сиво-Пик и установила горящий факел на Ледяной горе, спортивная делегация 30 стран прошла торжественным маршем по долине. Их марш сопровождался игрой 1200 музыкантов и хором из 2500 певцов. Восьмые зимние олимпийские начались! На снимке: торжественным маршем проходит советская спортивная делегация. О ней говорят так: тут что ни участник, то чемпион...

(Юношане. Начало на 1-й стр.)

О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И ЧУТЬ-ЧУТЬ О БУДУЩЕМ

5. В современном городе самое страшное — это отсутствие воздуха и солнца. Старый город — это «улицы-щели» и «дворы — колодези». Новый город мыслится как несколько десятков небоскребов, стоящих на большом расстоянии друг от друга, окруженных сплошным морем зелени, омываемых воздухом и лучами солнца.

Вот на основе этих принципов, как грибы после дождя, стали расти во всех городах мира так называемые «дома-коробки», большие и маленькие, красивые и не очень, на ножках и без них, врезающиеся в небо и распластавшие по земле, — и все это в стекле, бетоне, металле. Много появилось их и у нас. Москвичи хорошо знают дом Мининстерства легкой промышленности на улице Кирова (сейчас там находится Статистическое управление), центральная часть которого сплошь сделана из стекла. Здание это построено по проекту Ле Корбюзье. Другое, наиболее типичное для того времени здание — жилой дом для сотрудников Наркомфина на Новинском бульваре (во дворе), сооруженный известным советским архитектором М. Гинзбургом. И, наконец, самое, пожалуй, характерное и типичное сооружение того времени — величественный архитектурный комплекс Днепрогэза братьев Весниных, наиболее выдающийся представитель конструктивизма у нас.

Почему я так долго задержался на описании принципов этого течения? Так ли уж все в нем хорошо и правильно? И может ли оно, получившее такое распространение на Западе, удовлетворить нас? Ведь после первого конкурса на Дворец Советов в 1931 году конструктивизм был признан у нас течением буржуазным. Может быть, он действительно является не только порождением, но и достоянием строя капиталистического, а не нашего? И, может быть, отвергая его в течение четверти века, мы поступали правильно? Но тогда что же означает появление Советского павильона на Брюссельской выставке? А панорамное кино в Москве? А проекты новых московских кинотеатров — на Пушкинской площади и у Кировских ворот?

Попытаемся разобраться. Отвергая конструктивизм, противники его говорили: это течение явно формалистическое, оно отрицает идеологическую сущность архитектуры, оно ложно идеализирует машину, отвергает богатое классическое наследие, не признает национальных особенностей архитектуры той или иной страны и, главное, оно пытаясь дать единый, так сказать, «надклассовый» рецепт решения архитектурных проблем, пригодный в равной степени как капиталистическому, так и социалистическому строю.

Таков был приговор конструктивизму, и он был отвергнут. Но что же пришло ему на смену? Роскошь и богатство. Города стали заполняться бесчисленными колоннадами, псевдоклассическими фронтонами, декоративными арками и лоджиями, фасады покрывались полированным гранитом и лабрадором. Площади обоглаживались с такой интенсивностью, что порой казалось, будто здание изведено какой-то нажженной болельщицей. Все это называлось «критическим использованием классического наследия». Апогея своего эти изощрения достигли в высотных зданиях, о которых стоит поговорить особо.

Появление Нью-Йоркских небоскребов диктовало дороговизну земельной участка. И в этом была своя логика. Строить же здание с громадной площадью среди шум и аляк (как Московский университет, например) с единственной целью, чтоб его было видно на десятки километров, по меньшей мере неэкономично. Кстати, несправедливостью появления у нас высотных зданий привела к тому, что некоторые москвичи твердо верили, что все это сделано неспроста — там, мол, наверху установлены мощные радары... Что поделяешь, человек со свойственно во всем искать задатки разумного. Между прочим, и Гоголь, не знавший радаров, считал, что ступице нужны высокие здания еще и потому, что она «получает существенную выгоду, обзаведая провинции и заранее предвзято все...»

Говорят, современному городу не хватает вертикалей взамен исчезнувших колоколен. Верно. Но колоколен была не только декоративная, она была и функциональная. В нынешних условиях функциональная «высотность» телевизионных башен, книгохранилищ, крупных библиотек, элеваторов (кстати, как хорошо они аккомпанировали в последний ландшафт Киевского Подола). Высотность этих сооружений вызвана их функцией, а не ложной попыткой монументальности, идея которой сама по себе глубоко антидемократична — идея противопоставления грандиозного сооружения терпящемуся у его подножия человеку. Ложное понимание величественности! Разве она в размерах? На площади Восстания в Москве почти рядом стоят два здания — высотное и старое, начала XIX века, так называемый «Вдовой дом». Одно возвышается к небесам, другое — всего в два

ЧУЖИЕ И БЛИЗКИЕ

ДВЕРЬ отворила худенькая темно-волосая девочка лет четырнадцати. Увидя оперативников, она поблела и медленно отступила в глубь комнаты. Появилась хозяйка с испуганным, застывшим лицом. Следом муж...

стующей позы у стены! Сначала беззаботная детская радость по поводу новых игрушек и вещей, потом смутное понимание того, что семья живет не только на зарплату, и, наконец, привычка, открывая дверь, спрашивать: «Кто?» — и преумножая цену, показывая новое платье.

Девочка переступила с ноги на ногу и осталась на месте. Из сумки тачки вывалились на пол плотные пачки денег, сберегательные книжки. Девочка ахнула, и следователь посмотрел ей в лицо. Оно выражало стыд, отчаяние, но не удивление. Она понимала, почему пришла милиция в дом. Она знала. Если не именно об этой сумке, то о том, что такая сумка должна быть.

Если же все сопротивление домочадцев сводится к опасливому разговору на тему «как бы чего не вышло», если они участвуют в трате наворованных денег, то не только морально облегчают ему совершение преступления, но и толкают на новые «операции».

Следователь с сердцем ткнул в пепельницу недокуренную папиросу. Тяжело видеть при обыске детей. И как легко, к сожалению, воображать себе путь такой вот девочки от первых шагов до этой протек-

Отца арестовали. Он уходил в криво надетой шапке и растерянном пальто, вяло утешая плачущую жену. На пороге притянул к себе девочку.

И ТАК, подведем кое-какие итоги. В конструктивизме, как видим, действительно не все так уж гладко, но все мы можем в нем принять. В частности, и «догматизм» его, наивно отрицающий в «праве на жизнь» таким архитектурным элементом, как карниз, наличники, «сандрихи» над окнами. В «новом» железобетонном доме они, действительно, конструктивно не нужны, они только украшение. Но ведь не все строится из железобетона. Есть у нас и будут еще строения дома из кирпича, ракушечника, дерева. И в них карнизы и сандрихи не только украшения, это и необходимые конструктивные детали.

Тяжело ляжет сегодняшний день на плечи четырнадцатилетней девочки. Но как она скажет на ней? Поймет ли она суровую справедливость того, что произошло, или, ослепленная своей горькой обидой, весь большой мир людей, не терпящих шкурщины и подлости, станет называть враждебным «они»? Хочется верить, что найдутся люди, которые без оскорбительной прямолинейности, но умно и тактично сумеют подвести ее к верной оценке случившегося.

Результатов конкурса еще нет, но основной принцип решения Дворца Советов более или менее ясен. Трудно представить себе что-либо более противоположное, чем известный проект Б. Иофана и нынешние конкурсные. Первый решен был как памятник — громадный, видимый со всех концов Москвы памятник В. И. Ленину. И все в нем подчинено было скульптурности. Само здание, со всеми своими залами и многочисленными помещениями, являло собой не что иное, как постамент для скульптуры. Размеры самого сооружения были настолько грандиозны, что говорить о какой-либо масштабности по отношению к окружающему городу, в том числе и к Кремлю, просто не удалось.

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

По какому же пути должно идти развитие нашей архитектуры? Вряд ли нам нужно оглядываться на экстравагантную архитектуру буржуазных стилей или дорогих западноевропейских отелей, но умение использовать все то, что дает нам современная строительная техника, умение показывать, а не скрывать всю красоту конструкции, умение оперировать чистым архитектурным объемом и пространством, не маскируя их псевдодекоративной мишурой, — вот это нам нужно.

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

И дело вовсе не в каком-то универсальном рецепте, предлагаемом якобы конструктивистами, не в плоских крышах и горизонтальных окнах, — они хороши там, где им место, и плохи там, где их притягивают за волосы, — дело в другом: в современности самой архитектуры, той разумной современности, так ярко выраженной строителями Парфенона и Реймского собора.

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

И вот тут надо сказать о самом главном. Ле Корбюзье, крупнейший теоретик и практик конструктивизма, всю жизнь мечтал о «лучшем городе». Ему не удалось осуществить эту мечту, как не удалось осуществить проекты переустройства Парижа, Алжира и других городов. Жилые дома, виллы, выставочные павильоны, капеллы — как мало это для архитектора с его талантом, знаниями, темпераментом! Только сейчас, на склоне лет, он выполнял, с прищипкой ему бескомпромиссно, проект правительственного центра в г. Чандигар, столице Восточного Пенджаба. А он мечтал о городе, лучшем городе...

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

В чем же дело? Дело в тунике, в которой попал конструктивизм, развиваясь в условиях социально-экономической системы, породившей его. Самы основы этой системы с ее частной собственностью на землю, дома, фабрики, заводы просто не дают ему возможности развиваться в том направлении, в котором он может и должен развиваться. А направление это — массовое жилищное строительство, градостроительство, истинные масштабы которого ощущаются только в странах с социалистической системой. И именно мы, ребята, поставленные перед нами грандиозные проблемы (за семилетку должно быть построено около 15 миллионов квартир общей площадью в 650—660 млн. кв. метров), не можем отмахнуться от того, что предлагает нам конструктивизм с его стремлением ко всему экономичному, рациональному, технически передовому.

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Может, это прозвучит и смешно, но сейчас даже трудно говорить о конструктивизме как о «буржуазном» стиле — столь велики и неразрешимы противоречия между ним и капитализмом. Терпеливо дочитай статью до этого места, читатель вправе перебить меня.

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Все это очень хорошо. Конструктивизм вступил в противоречие с капитализмом, Парфенон и Реймский собор прекрасны, архитектура должна быть человечна и современна... Превосходно. Но нельзя ли поконкретнее? Почему вы не приводите ни одного положительного примера современной архитектуры? Разве их нет?

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

Хотелось бы сюда вовремя активистам, комсомольцам с завода или праче из соседних квартир, — было бы иначе!

У олимпийцев много общих тем. Можно поговорить, например, о предположении режиссера, что в будущем не будет «в порядке» говорить Михаилу Прхину (в центре) итальянские спортсмены. Энци Перин (справа) и Петро Перин (слева). Что же? Поживем, как говорится, увидим, насколько они правы.

ТЫСЯЧЕЛЕТЬЯМИ человек наблюдал величественное зрелище океанских приливов, когда могучие силы космоса заставляли гигантские массы воды каждые 12 часов 25 минут наступать на сушу и откатываться обратно. Подчиняясь этим силам, уровень океана периодически поднимается от нескольких сантиметров до 5-10 метров, а в некоторых местах даже до двадцати метров.

Непостижимой казалась тайна этого явления в далеком прошлом. Отчаявшись проникнуть в эту тайну, люди древности назвали ее «могилой человеческого любопытства».

Шли века, и разум человека от робких догадок о связи прилива с фазами Луны перешел к научному постижению причин этого явления. Начиная от Ньютона, труды ученых создали стройную, математически обоснованную теорию прилива. И сегодня каждый мореплаватель вооружен таблицами, из которых он может узнать высоту прилива на любой день и час в любой точке побережья мирового океана.

Но если наука позвала природу прилива, то в использовании его могучей энергии дело не пошло пока далеко. Вместе с тем не было недостатка в попытках инженерной мысли овладеть силой прилива. Ни в одной области техники не было предложено, пожалуй, такого большого количества остроумных проектов, но ни один из них не был осуществлен. Причину неудач видели прежде всего в казавшейся в прошлом непреодолимой неравномерности приливной энергии. Почти повсюду прилив в течение суток четыре раза меняет свое направление, плавно нарастая от нуля до максимума и спадая до нуля, к этому нужно прибавить неравномерность прилива в пределах месяца. В результате, может сложиться такое положение, когда ПЭС будет вырабатывать максимальную энергию ночью, при минимальной в ней потребности, и прекращать работу в вечерние часы.

Ученые, изобретатели пытались преодолеть эти недостатки приливной энергии, выпрямлять неравномерность работы ПЭС. Один предлагал делить бассейн приливной электростанции на две и три части с поочередным переключением турбины на напор между этими бассейнами и морем. Другие считали, что нужно строить рядом с ПЭС гидростанции с мощными насосными установками: во время наибольшей выработки энергии насосы должны перекачивать воду в высоко расположенное водохранилище с тем, чтобы она вращала турбины во время снижения напора прилива.

Такие проекты пытались осуществлять во Франции, где в 1928 году начали строить ПЭС Абер Врак и в США — ПЭС Кювди. Аналогичная установка была запроектирована в СССР в г. Кисловодск. Строительство приливных электростанций Абер Врак и Кювди было, однако, вскоре прекращено. Причина — чрезвычайная дороговизна энергии. Видные американские инженеры и экономисты оценили строительство ПЭС Кювди как «дорогостоящий каприз» и даже «экономический абсурд».

В то время считали, что этот приговор окончательный. Но так ли это? Мощные потоки энергии приливов прорывают границы штатов, провинций и отдельных государств. Именно поэтому оказалось невозможным осуществить проект такой установки, как ПЭС Севера в Англии (800 тысяч киловатт). Ее энергия не может быть использована в пределах одной Англии, поскольку здесь нет гидростанций с водохранилищами, обеспечивающими внутримесячное регулирование ПЭС. Примерно такое же положение мешает осуществлению нового проекта Кювди в США.

Проведенные нами исследования показывают, что есть реальная возможность включить в мировую энергобаланс огромное количество приливной энергии, если проектиранты ПЭС откажутся от решения этой задачи, исходя из ограничений местных условий, если будут осуществлять ее силами сотрудничества народов.

По данным ООН, Западной Европе при намеченном на 1975 год уровне потребления в 1 400 млрд. квт-ч будет не хватать примерно 600 миллиардов киловатт-часов. Для покрытия дефицита предполагается импорт каменного угля и строительство атомных электростанций.

Между тем энергия прилива у побережья Англии и Франции позволяет соорудить здесь мощные ПЭС, которые, по нашим расчетам, при соединении с речными гидростанциями могли бы вырабатывать до 180 миллиардов квт-ч. Однако установка, отсекающая побережье у полуострова Котантен, способна дать 120 млрд. квт-ч.

Мощности эти могли бы быть использованы для покрытия потребности Европы в электроэнергии в часы пик. Рельеф Франции, характер питания ее рек не позволяют, однако, создать здесь речные водохранилища, обеспечивающие регулирование прилива. Частично решить эту задачу можно было бы, соединив приливные электростанции Англии и Франции в одну систему с гидроэлектростанциями Швейцарии, Швеции и Норвегии. Но наиболее гармоничное решение задачи достигается в более широком плане.

На просторах нашей страны, где текут могучие равнинные реки, в нетрунчатых целинных районах Севера, за Уральским хребтом могут быть созданы гигантские водохранилища, которые способны обеспечить не только многолетнее выравнивание собственного стока рек, но и полное регулирование энергии приливов Ла-Манша.

В частности, у нас уже запроектировано для переброса вод северных рек в Волгу водохранилище с акваторией в 16 тысяч квадратных километров на водораздельном плато Камы и Печоры. Запасы воды в искусственном море ГЭС, проектирующейся в низовьях Оби, будут еще большими. На запад от Уральского хребта расположен Мезенский залив Белого моря. Здесь мы предлагаем построить стометровую плотину, которая отсечет мелководную часть залива и позволит получить значительное количество приливной энергии. Соединение всех этих электростанций с приливами Котантена может дать десятки миллионов киловатт для покрытия пиковой нагрузки энергосистем СССР и всей Европы.

Когда проект будет осуществлен, в одном объединении начнут гармонично работать приливные, речные, тепловые и атомные станции СССР и Западной Европы. В период максимальных приливов в Ла-Манше речные гидростанции СССР снизят нагрузку, энергия с берегов Ла-Манша поступит в высоковольтные линии объединенных энергосистем. А через несколько дней энергия прилива Мезени пойдет к Запа-

МИР БЕЗ ОРУЖИЯ! Охватившее все континенты движение прогрессивных сил за мирное сосуществование и всеобщее разоружение приближает человечество к счастливой эпохе великого строительства.

Глеб Максимилианович Крижижановский в своих воспоминаниях приводит слова, сказанные В. И. Лениным сорок лет назад в беседе с работниками Госплана:

— Надо непременно разработать такие проекты, которые могут служить материальной базой идеи международного сотрудничества и воодушевить все человечество. Мы противопоставим великие созидательные планы черным планам войны. Пусть знают народы, чего можно добиться совместными усилиями в обстановке мира и дружбы!

Ла-Манш—Мезень—Обь

Л. БЕРНШТЕЙН, кандидат технических наук

береженая в водохранилище Нижне-Оской ГЭС.

Но не только Европа имеет такие возможности использования приливной энергии.

На западе США в заливе Тернаген и Кинк у г. Анкоридж (Аляска) может быть создана ПЭС с отдачей до 25 млрд. киловатт-часов. Соединение ее с системами Западной Канады и мощными насосными станциями Гранд-Кулли дало бы воду засушливым преиям Центрального плато и освободило тепловые станции этой части США и Канады от неравномерной работы.

Объединенные усилия могли бы соединить поток приливной энергии СССР в Пенжинской губе с потоком из США, идущим с берегов Аляски, и зарегулировать его водохранилищами речных гидростанций на Амуре и Юконе.

Полное использование энергии прилива не встречает ныне непреодолимых трудностей технического порядка. Трудными выдающегося французского ученого Жибра во Франции дана математическая теория, обосновывающая возможность работы ПЭС, которые были выявлены и в наших исследованиях. Во Франции и СССР созданы горизонтальные турбины для приливных станций. СССР является пионером в сооружении тысячекилометровых 400-километровых линий, перебрасывающих энергию волжских ГЭС в Москву, Дон-

Перечитывая эти слова, и кажется, будто произнесены они не сорок лет назад, а в наши дни. Никогда еще человечество так отчетливо не сознавало, как прегражден может быть мир, если навсегда покончить с войной. Ученые, инженеры предлагают грандиозные проекты благоустройства нашей планеты и использование ее богатств, чтобы навсегда покончить с голодом и нищетой.

Сегодня мы публикуем статьи советского и французского инженеров. Они обсуждают на наших страницах, как покорить исполинскую энергию океанских приливов и заставить ее служить человечеству; они доказывают, что современное развитие науки и техники открывает реальную возможность осуществить этот замысел.

Это еще один грандиозный замысел благоустройства нашей планеты, один из многих, зреющих в умах ученых, инженеров всего мира.

Черным планам войны они противопоставляют великие созидательные планы, вдохновляющие все человечество; для их осуществления необходимы дружба и братство народов.

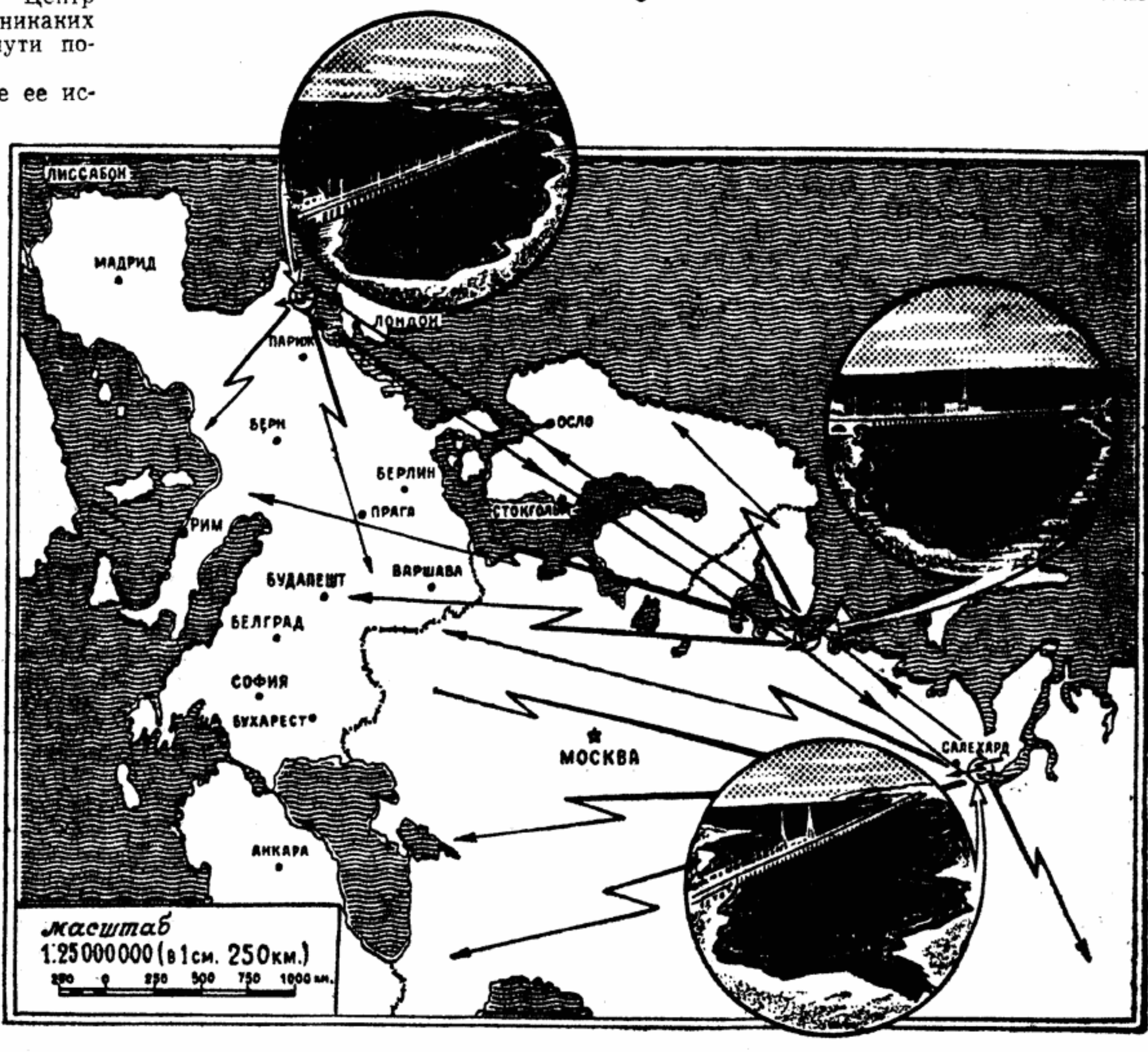
В мире без оружия сотни миллиардов рублей, затрачиваемых ежегодно на вооружение, могут быть направлены на осуществление проектов, украшающих землю и обогащающих человечество.

басс и на Урал. Мы подготовили в а е м строительство трансконтинентальной линии сверхвысокого напряжения, объединяющих Сибирь—Урал и Центр страны. Нет, таким образом, никаких технических препятствий на пути покорения энергии прилива.

Причины, тормозящие полное использование, нужно искать в другой области — в области политических взаимоотношений государств.

Теперь, когда после визита Н. С. Хрущева в США в мире повело тепло, возрождаются надежды на мировое сотрудничество народов и в области покорения приливной энергии.

Лично мне думается, что можно обсудить вопрос о совместной разработке советскими и французскими учеными и инженерами проекта регулирования объединенной энергии приливов Котантена и Мезени в гигантских водохранилищах Камско-Печорского водораздела и Нижней Оби. Конечно, осуществление этого предложения потребует преодоления значительных трудностей. Нужно будет организовать обмен энергией на расстоянии в тысячи километров, построить стометровые плотины, расположить в них по несколько тысяч агрегатов. Задача не легкая. Но если мы признаем, что приливная энергия принадлежит всему человечеству, то все эти трудности отступят под напором его объединенных усилий.

Энергия сотрудничества и объединения

Робер ЖИБРА, профессор, инженер, консультант Энергоуправления Франции по приливным электростанциям

СОВЕТСКИЙ инженер Бернштейн в своей статье обрисовал основные проблемы, связанные с использованием энергии приливов, энергии, изменяющейся во времени и пространстве. С интуицией, познание которой он предвидит в скором будущем обмен энергией между Францией и СССР путем использования энергии Ла-Манша и энергии Белого моря (Мезенский залив), а также между Сибирью и Аляской через Берингов пролив. Вследствие наличия различных режимов прилива этот обмен создает возможность почти совершенного использования энергии.

Он безусловно прав — подобные международные связи окажут благотворное действие на многие стороны общественной жизни: культуру, политику, экономику. Однако установление этих связей потребует терпеливых усилий во всех областях и сможет быть осуществлено только при наличии непреодолимых доказательств того, что использование приливной энергии даст положительный технический и экономический эффект.

Мы полагаем, что во Франции это можно считать уже доказанным: хорошая работа и высокая производительность первого агрегата установки в Сен-Мало мощностью в девять тысяч квт, вступившей в строй в 1959 году, свидетельствует, что мечты инженеров воплощены в действительность. История самой идеи использования энергии приливов, даже если ограничиться одной Францией, очень длинная, но я все же хочу ее напомнить, забыв на время, что я имею дело с культурными читателями, интересующимися воспоминаниями истории, литературы и экономики.

Людам понадобилось два тысячелетия, чтобы обосновать эту идею теоретически, и два столетия, чтобы разработать ее технически. В 1737 год — в трактате о гидротехнических сооружениях Бельдор описывает мельницы в Дюнкерке, работающие на энергии морских приливов, и пытается решить проблему их непрерывного действия.

В 1952 году — 25 октября на открытии гидростанции Довер-Мондраго президент Французской республики объявляет о скором начале строительства приливной электростанции в акватории реки Ранс.

В 1957 году — «Электриста де Франс» (Энергоуправление Франции) предоставляет право на строительство и эксплуатацию этой приливной электростанции.

А в ноябре 1959 года был успешно введен в эксплуатацию первый экспериментальный агрегат установки в Сен-Мало. И я очень надеюсь, что в 1965 году первая приливная электростанция начнет работать, выдавая 750 млн. квт-ч при общей мощности агрегатов 320 000 квт, обеспечивая при этом оптимальное использование угля, потребляемого теплоэлектростанциями; она сможет в случае необходимости гарантировать пиковую мощность (в часы зимней пиковой нагрузки) в 275 000 квт. Эта установка заменит собой лишь начало использования громадных энергоресурсов бухты Мон-Сен-Мишель, реализация которых имеет исключительное значение.

Путь исследований, открытый Бельдором, был отнюдь не легким, хотя его прокладывали известные ученые. Упомянем лишь одного из них — Како, имя которого присвоено острому проекту многобассейнового цикла.

В 1943 году группа французских промышленников заявила этой проблемой и организовала Общество по изучению использования энергии приливов

(SEUM). В мае 1954 года инженеры «Электриста де Франс» решили, что полученные результаты в достаточной степени оправдывают детальную проектировку строительной части и оборудования для сооружения приливной электростанции Ранс.

Исключительные силы порождают грандиозный эффект

На первый взгляд, одно из самых мощных проявлений природы, прилив, вызывается совершенно незначительными по величине силами. Явление это загадочное. В самом деле, как объяснить, почему в Ла-Манше скорость течения и уровень прилива синхронны, а в Атлантическом океане асинхронны.

Почему в Тонкинском заливе прилив бывает один раз в сутки и в один и те же часы, независимо от Луны, а в других местах он бывает дважды в сутки, западая на пятнадцать минут; почему, наконец, в заливе Мон-Сен-Мишель амплитуда прилива превышает 13 м, а в Средиземном море — достигает обычно всего нескольких дециметров.

Начинаешь верить легенде, согласно которой Аристотель утопился в Эврипе, придя в отчаяние от того, что не смог объяснить причину 14-кратной перемены течения в приливе за один сутки; становится понятным безнадзорное восклицание Аполлинера в «Alcools»: «Жизнь изменчива, как Эврип»!

Истина раскрывалась очень медленно. Наша цивилизация возникла и развивалась на берегах Средиземного моря, где нет больших приливов, поэтому в античную эпоху и эпоху Возрождения возникновение приливов объясняли очень наивно. Современники Платона, наблюдая амплитуды и время приливов, интуитивно поняли, что приливы подчиняются сложным или менее сложным комбинациям периодичности, и предугадали, что отлив и прилив — две стороны одного явления; но они улобляли землю человеческому существу и считали, что приливы — это его дыхание. Сам Платон полагал, что возникновение приливов связано с колебаниями в подземных пещерах. Странники этой гипотезы — о, ужас! — был впоследствии и Кеплер.

В результате путешествий по ту сторону Гибралтара по направлению к Туле Пифия в IV веке до нашей эры и Посидония, учителя Цицерона, в I в. до н. э. были высказаны предположения о влиянии Луны на возникновение приливов, но вскоре об этих гипотезах забыли. В середине века отзвучал этой идеи можно считать лишь одно любопытное высказывание Данте в «Рая». Даже Галлея, создатель современной механики, не признавал, что Луна играет какую-то роль в образовании приливов, и высказывал ошибочные умозаключения относительно влияния вращения Земли и ее поступательного движения на молекулы воды. Паскаль, великий ум Франции, в своих «Мыслях» говорил о приливах, но не дает никакого объяснения, даже самого общего характера.

Лишь работы Ньютона приоткрыли завесы незнания. По теории Ньютона причина приливов заключается в часовом и суточном и месячном силе притяжения, оказываемого Луной и Солнцем на молекулы воды в океанах. Этим и объясняется запаздывание времени полной воды по отношению к прохождению Луны и изменения амплитуды в течение половины лунного месяца и сизигийный прилив при благоприятном взаимном положении Луны и Солнца.

Однако Ньютон не объясняет приливов наибольшей высоты, наблюдающейся в период полнолуния. (Ред.)

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ, Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИН, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.